

Цымбалова Полина Николаевна,
Магистрант 2 курса программы Частное право
Северо-западного института управления,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО И ИНЫЕ ФОРМЫ УЧАСТИЯ ТРЕТЬИХ ЛИЦ В ГРАЖДАНСКОМ ОБОРОТЕ: КРИТЕРИИ ПРАВОВОГО РАЗГРАНИЧЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена разграничению представительства и смежных форм участия третьих лиц в гражданском обороте – посредничества, коммерческого посредничества, технической передачи воли и деятельности органа юридического лица. На основе анализа положений главы 10 ГК РФ, разъяснений Пленума Верховного Суда РФ и материалов судебной практики автором предложена система критериев такого разграничения.

Ключевые слова: Представительство, посредничество, коммерческое представительство, орган юридического лица, доверенность, полномочие, посыльный, рукоприкладчик.

Современный гражданский оборот в настоящее время все реже строится по модели непосредственного взаимодействия двух контрагентов. Так, например, приобретение недвижимости через агентство, оформление сделки через маркетплейс-агрегатор, подписание документов сотрудником организации, действие поверенного по доверенности, «техническая» подпись рукоприкладчика за лицо, которое не может расписаться самостоятельно, – все приведенные ситуации объединяет одно – имущественный интерес одного лица реализуется при содействии другого.

Однако отметим, что правовые последствия такого содействия принципиально различны, а грань между представительством в смысле главы 10 ГК РФ и смежными формами участия третьих лиц (посредничество, содействие в заключении сделки, техническая передача воли, деятельность органа юридического лица) законодателем определена по существу: через отрицательное определение в пункте 2 статьи 182 ГК РФ, перечисляющее тех, кто представителем не является, но не раскрывающее позитивных критериев квалификации. Представляется, что данное положение и порождает устойчивую проблему правоприменения, поскольку одни и те же фактические действия (переговоры, подписание, передача документов) в одном случае признаются судом представительством со всеми вытекающими последствиями прямого действия сделки на представляемого, а в другом – самостоятельным участием в обороте от собственного имени, не создающим таких последствий.

Целью настоящей работы является формулирование системы критериев, позволяющих разграничить представительство и иные формы участия третьих лиц в гражданском обороте, а также анализ того, как эти критерии применяются судами на конкретных категориях споров.

Легальное определение представительства (п. 1 ст. 182 ГК РФ) строится на конструкции «сделка... непосредственно создает, изменяет и прекращает гражданские права и обязанности представляемого». Из этого следует первый и, на наш взгляд, системообразующий признак – эффект прямого действия: юридические последствия сделки возникают не у лица, ее физически совершившего, а у лица, чью волю оно выразило и в чьих интересах действовало. Так, например, В. А. Рясенцев еще в середине прошлого века отмечал, что сущность представительства состоит именно в том, что представитель, обладая

собственной право- и дееспособностью, тем не менее действует не для себя, а как бы «замещаая» представляемого в конкретном правоотношении [4, с. 15]. Этот же признак, но уже применительно к современному обороту, подчеркивает Е. Л. Невзгодина, указывающая, что представитель совершает юридически значимые действия «от имени и в интересах» представляемого, оставаясь при этом самостоятельным субъектом права, а не простым «орудием» чужой воли [5, с. 22].

Именно на стыке этих двух тезисов – «представитель самостоятелен» и «представитель действует не для себя» – законодатель проводит первую линию разграничения: с лицами, которые вообще не формируют собственного волеизъявления, а лишь передают уже сформированную волю другого лица в неизменном виде. Так, пункт 2 статьи 182 ГК РФ прямо исключает из числа представителей «лиц, лишь передающих выраженную в надлежащей форме волю другого лица» – институт посыльного (*nuntius*), разграничение которого с фигурой представителя было подробно разработано еще в дореволюционной цивилистике: например, А. О. Гордон связывал существо представительства именно со способностью представителя самостоятельно, в пределах полномочия, определять содержание сделки, тогда как посыльный такой способностью не наделен и целиком следует чужим указаниям [6, с. 41].

Близкий, но не тождественный случай – это рукоприкладчик, подпись которого за гражданина, который по объективным причинам не может подписаться сам, допускается пунктом 3 статьи 160 ГК РФ. Рукоприкладчик не выражает ничью волю, а лишь техническим действием фиксирует уже принятое решение другого лица; в отличие от представителя, он не наделяется полномочием и не совершает сделку, а потому и упоминание в отдельных актах правоприменительной практики рукоприкладчика «наравне» с представителем, на наш взгляд, методологически неточно, поскольку это фигуры разного порядка: представитель совершает сделку, а рукоприкладчик, в свою очередь, участвует лишь в ее фиксации.

Вторая сфера разграничения – с лицами, действующими хотя и в чужих интересах, но от собственного имени. Здесь ключевым является уже не наличие или отсутствие дискреции, а вопрос «от чьего имени» и, как следствие, кто становится стороной сделки и субъектом возникающих из нее прав и обязанностей. Комиссионер по договору комиссии (ст. 990 ГК РФ) и агент, действующий от своего имени по агентскому договору (ст. 1005 ГК РФ), совершают сделки в интересах и за счет другого лица, но приобретают права и становятся обязанными сами, – в этом их принципиальное отличие от представителя, чьи действия создают правовые последствия непосредственно для представляемого, минуя его самого как промежуточное звено.

Отметим, что А. В. Егоров справедливо обращает внимание на то, что смешение представительства и посредничества в широком смысле – устойчивая ошибка практики, поскольку экономическая функция обеих конструкций схожа (обе облегчают доступ принципала к обороту через профессионального посредника), однако юридическая техника противоположна: представитель «исчезает» из сделки после ее совершения, тогда как комиссионер или агент, действующий от своего имени, сам становится должником и кредитором по заключенному договору и лишь затем передает исполненное принципалу по отдельному, внутреннему обязательству [7, с. 24].

Третья, отдельно поименованная в пункте 2 статьи 182 ГК РФ категория – лица, уполномоченные на вступление в переговоры относительно возможных в будущем сделок, то есть коммерческие посредники в узком смысле. Отличие от представителя здесь носит функционально-временной характер: такой посредник действует на стадии, предшествующей заключению сделки, – согласовывает условия, подбирает контрагента, организует переговоры, – но саму сделку не заключает и стороной в ней не становится.

Практическое значение этого разграничения хорошо заметно на примере споров с риелторскими агентствами: если агентство по договору оказания услуг исключительно

находит контрагента и сопровождает переговоры, оно не приобретает статуса представителя и не связывает клиента правовыми последствиями заключенной в итоге сделки; если же агентству выдана доверенность на подписание договора от имени клиента, оно действует уже как представитель, и правовой режим (а вместе с ним и основания ответственности) принципиально меняется. Отметим, что и судебная практика по спорам с участием риелторов в целом складывается именно по этому принципу: сама по себе выплата вознаграждения за «услуги по подбору объекта» не превращает исполнителя услуг в представителя, если полномочие на совершение сделки от имени клиента ему прямо не предоставлялось [9].

Углубленного анализа также требует и четвертый случай – деятельность органа юридического лица, прежде всего единоличного исполнительного органа (директора). До реформы главы 4 и главы 10 ГК РФ 2013-2015 годов в доктрине преобладала позиция, согласно которой орган юридического лица представителем не является, поскольку не имеет собственной право- и дееспособности, отдельной от право- и дееспособности организации: действия органа – это действия самого юридического лица, а не действия другого субъекта в его пользу [8, с. 178].

Так, пункт 121 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» предложил компромиссное решение: юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы, которые «являются особыми представителями», притом Пленум прямо перечислил, какие именно положения главы 10 ГК РФ подлежат применению к директору (в частности, о недопустимости совершения сделки в отношении себя лично – п. 3 ст. 182 ГК РФ), а какие – нет, поскольку вытеснены специальными нормами корпоративного законодательства (ст. 53, 53.1 ГК РФ) [2, п. 121].

Однако подобного рода конструкция – не полное отождествление и не полное разграничение, а субсидиарное применение общих норм о представительстве с приоритетом специальных корпоративных правил – на наш взгляд, методологически верна, поскольку отражает двойственную природу органа: он одновременно и часть организации (в смысле теории «фикции» и «реальности» юридического лица), и лицо, чья воля формирует волю организации вовне, что, как следствие, сближает его функцию с функцией представителя.

Наконец, показательным примером того, насколько важна квалификация отношений к вопросу о подлинности воли представляемого, служит определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 22.03.2022 № 78-КГ21-59-К3. Отменяя судебные акты нижестоящих инстанций по спору о признании права собственности на квартиру, Судебная коллегия указала на необходимость дать правовую оценку тому обстоятельству, что собственник выдал нотариально удостоверенную доверенность на отчуждение принадлежащего ему жилого помещения, притом что истец не представил доказательств отсутствия воли собственника на такое отчуждение [3].

Дело, таким образом, наглядно демонстрирует, что представительство как правовая конструкция держится не только на формальном полномочии (доверенности), но и на действительной, не порочной воле представляемого, стоящей за этим полномочием: наличие доверенности создает презумпцию правомерности действий представителя, но эта презумпция опровержима, если будет доказано отсутствие воли доверителя на совершение именно такой сделки. Тем самым центральный для всей конструкции представительства критерий – соответствие действий представителя действительной воле представляемого – оказывается значимым не только для теоретического разграничения смежных институтов, но и для практического распределения бремени доказывания в судебном споре.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сформулировать систему критериев, по которым представительство может быть отграничено от иных форм участия третьих лиц в гражданском обороте.

Во-первых, критерий дискреции: представитель, в отличие от посыльного и рукоприкладчика, обладает определенной свободой усмотрения в пределах предоставленного полномочия, тогда как последние лишь механически передают или технически фиксируют уже сформированную волю.

Во-вторых, критерий имени, от которого совершается сделка: представитель действует от имени представляемого, тогда как комиссионер, агент, действующий от своего имени, и коммерческий посредник в узком смысле выступают в обороте от собственного имени либо вовсе не становятся стороной сделки.

В-третьих, критерий прямого действия: только применительно к представительству закон закрепляет, что права и обязанности по сделке возникают непосредственно у представляемого, минуя представителя как самостоятельного носителя этих прав и обязанностей.

В-четвертых, критерий предмета деятельности: посредник в узком смысле (в том числе риелтор без доверенности) действует на преддоговорной стадии и не совершает саму сделку, тогда как представитель совершает ее.

В-пятых, критерий действительности воли: даже при формально безупречном полномочии квалификация отношений как представительства предполагает, что за полномочием стоит не опорооченная воля представляемого, – иначе оспоримость сделки может быть обоснована уже не через институт представительства, а через несоответствие волеизъявления подлинной воле лица.

Наконец, в-шестых, особое место занимает критерий организационно-правового режима, применимый к органам юридических лиц: их деятельность образует не «чистое» представительство и не его полное отрицание, а самостоятельную, субсидиарно регулируемую главой 10 ГК РФ разновидность – «особое представительство», в котором общие нормы уступают специальным правилам корпоративного законодательства.

На наш взгляд, изложенная система критериев показывает, что представительство и смежные с ним формы участия третьих лиц образуют не набор изолированных институтов, а определенный континуум – от полного отсутствия собственной воли участника (посыльный, рукоприкладчик) через делегированное, но сохраняющее дискрецию волеизъявление в чужом имени и с прямым эффектом для представляемого (представитель) к самостоятельному участию в обороте от своего имени с последующей передачей результата принципалу (комиссионер, агент) и, наконец, к особой корпоративной конструкции, в которой воля организации и воля физического лица, ее выражающего, практически сливаются (орган юридического лица).

Представляется, что действующая редакция пункта 2 статьи 182 ГК РФ, построенная по принципу отрицательного перечисления, не вполне отвечает потребностям современного оборота, стремительно усложняющегося за счет цифровых посредников – маркетплейсов, агрегаторов, платформенных сервисов, статус которых по отношению к продавцу и покупателю зачастую не укладывается ни в одну из классических моделей.

Также полагаем целесообразным дополнить статью 182 ГК РФ позитивным перечнем критериев разграничения представительства и иных форм участия третьих лиц в гражданском обороте – прежде всего через закрепление признаков дискреции, прямого действия сделки и действительности воли представляемого, – так как представляется, что это позволило бы судам квалифицировать нетипичные, в том числе цифровые, формы посредничества более предсказуемо и единообразно.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.
3. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 22.03.2022 № 78-КГ21-59-К3 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Рясенцев В. А. Представительство и сделки в современном гражданском праве. М.: Статут, 2006. 731 с.
5. Невзгодина Е. Л. Представительство по советскому гражданскому праву. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1980. 156 с.
6. Гордон А. О. Представительство в гражданском праве. СПб.: Тип. Шредера, 1879. 300 с.
7. Егоров А. В. Понятие посредничества в гражданском праве: специальность 20.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Егоров Андрей Владимирович. – Москва, 2002. – 220 с.
8. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 1: Общая часть / отв. ред. Е. А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2019. 720 с.
9. Судебные споры риелторов и клиентов: основные выводы из судебной практики [Электронный ресурс]. URL: <https://vladeilegko.ru/blog/sudebnye-spory-rieltorov-i-klientov-osnovnye-vyvody-iz-sudebnoy-praktiki/> (дата обращения: 05.08.2026).

